

“БЬЮТ ЖЕНЩИН...”

— А был ли мальчик? Может мальчи-
ка-то и не было?

Максим Горький.
Жизнь Клима Самгина

I

Сколько известнейших негодяев, а вместе с ними и достойнейших людей за двадцать “рыночно-демократических” лет “Великой криминальной” — по словам Станислава Говорухина — революции погибло от рук наёмных убийц! — Кого только нет в этом скорбном списке: губернаторы, банкиры, спортсмены, генералы, депутаты, популярные журналисты... А уж людишкам помельче — счёту нету, поскольку это не элитные и не государственные существа. У них своя братская безымянная Кущёвка.

И главная причина этой всенародной беды в том, что “бешеные деньги” вырвались из социалистической неволи, как преступники из мест заключения, чтобы воплотиться в оружие, в гексоген, в пластид, в яды, в пояса шахидов, в зарплату убийцам, в банковские счета заказчиков, в продающийся и покупающийся компромат, словом, во все самые коварные и подлые приёмы взаимоистребления людей.

Помню, как в начале “перестройки” всех поразило изощрённое убийство банкира с греческой фамилией Кивилиди, которому через телефонную трубку запустили в ухо смертельную дозу яда. Ну, прямо, как отцу Гамлета! Двух следующих банкиров — Когана и Козлова “замочили” простейшим способом — из пистолета с глушителем, так же, как депутатов Госдумы Ющенкова, Головлёва, Старовойтову, как журналистов Листьева и Политковскую, как генерала Рохлина. А журналиста Холодова взорвали, как генерала Романова и двух крупнейших московских чиновников Шанцева и Орджоникидзе, впрочем, двух последних не до смерти. А вспомним Виктора Поляничко, спортсмена Квантришвили, авторитета Япончика... Пуле всё равно, кого продырявить. Лишь бы хозяину этой пули было заплачено бешеными деньгами.

Каждый раз после каждого оглушительного убийства кто-нибудь из высшего руководства страны от президента до премьера или генерального прокурора выступал на людях и клялся на всю страну, что убийцы будут найдены. Помнится, одним из первых давал такую клятву Чубайс над гробом своего подельника по питерской приватизации Маневича. Ельцин поклялся, что за смерть Холодова и Листьева преступники дорого заплатят. Наш нынешний президент, возмущаясь терактами последнего времени и гарантируя уничтожить “уродов”, одновременно твердит, что, несмотря ни на что, мы должны жить в “открытом обществе” и что “свобода лучше несвободы”... А бешеным деньгам ничего не нужно, кроме полной свободы.

В советское время в нашей стране совершалось десять тысяч убийств в год. Сегодня в России с численностью населения вдвое меньшей, чем в Советском Союзе, ежегодно убивают 30 тысяч человек. А это означает, что количество убиваемых возросло аж в шесть раз! Не дорогая ли цена за “открытое общество” и за “свободу”? Вот самоубийственный итог ельцинско-гайдаровско-чубайсовских реформ, выпустивших из государственной клетки стадо зверей под названием “бешеные деньги”, которые овладели умами, прессой, властью, страной, народом... За такие деньги можно купить жизнь и смерть почти любого из нас.

* * *

Не обошла эта криминальная напасть и нашу писательскую жизнь. Перед самым Рождеством 2009 года в знаменитом Переделкино произошло циничное, наглое и загадочное преступление, первое описание которого появилось в “газете Ru” от 24.12.09.

“В ночь с 23 на 24 декабря около 3.30 неизвестные преступники совершили нападение на дачный дом главного редактора “Литературной газеты” и известного российского прозаика Юрия Полякова. Злоумышленники, перебравшись на придомовую территорию через высокий забор, угрожая оружием, отобрали ключи у помощницы по хозяйству, ночевавшей во флигеле, избили её, связали и заткнули рот. Затем один из бандитов, предположительно, остался снаружи вести наблюдение за территорией, а другой проник в дом.

Со слов Полякова, его жена Юлия* в это время читала в кровати. Один из нападавших вломился в комнату, где находилась супруга Юрия Михайловича, и, набросившись на супругу Полякова, рукояткой пистолета нанёс ей множественные повреждения в области головы, в результате чего женщина была госпитализирована с переломами черепа. Юрий Поляков находился на втором этаже и крепко спал. Когда он услышал, как кричит жена, то предположил, что у неё опять заболела спина, беспокоившая Юлию последнее время.

Но спустившись на первый этаж, он нос к носу встретился с вооружённым бандитом, скрывавшим половину лица под шапкой. Быстро сориентировавшись в ситуации, Юрий Михайлович кинулся бежать наверх, чтобы взять свой десантный нож, который ему подарен сотрудниками спецподразделений в ходе его поездки на Северный Кавказ в зону боевых действий. Однако, вооружившись холодным оружием и спустившись вниз, писатель уже никого не застал”.

Одновременно с “Газетой. Ru” 24 декабря “Московский комсомолец” поместил на первой полосе фотографию подушки, облитой кровью Юлии–Натальи, и фотоснимок скромного одноэтажного сарайчика с подписью **“Особняк Полякова, в который проникли грабители”** (на самом деле это был флигелёк для домработницы). А сам материал “МК” имел заголовок “ЧП российского масштаба” – не больше не меньше. Под фотоснимком следовал текст, почти идентичный тому, что был напечатан в “Газете. Ru”, но с небольшими разночтениями: о проникшем в дом “головорезе” на этот раз было сказано точнее: **“Славянин в надвинутой на самые глаза вязаной шапочке, в каких избображают бандитов, со стволом в руке”**. После поляковских слов идёт текст журналиста, написанный со слов хозяина дачи: **“Рукояткой этого самого пистолета налётчик бил по голове жену Юрия Михайловича”**. Картина – жуткая! По всем законам мужского поведения что должен делать муж, на глазах у которого убивают жену? – Конечно же, не теряя ни секунды броситься на злодея, а то ведь ещё один-другой удар рукояткой – и конец! Но произошло нечто неестественное: муж на крики жены бежит по лестнице вниз, “нос к носу” сталкивается с бандитом и вдруг разворачивается, взмывает снова на второй этаж за “десантным ножом”, полученным в подарок не где-нибудь, а на Кавказе “в зоне боевых действий” (мужественный человек – не побоялся туда поехать!), опять бросается вниз в надежде, что бандит ждёт его там, и не

* Известно, что жену Полякова зовут Натальей. Может быть, “Юлия” это другая жена или просто другая женщина?

страшно храбрецу, что бандит вооружён пистолетом, против которого нож бессилён! Но слава Богу, что бандит не дождался, пока Поляков вернётся вооружённым ножом, и не пристрелил отважного “десантника” и верного супруга окровавленной, полумёртвой Юлии, не добил её, пользуясь тем, что защитник помчался разыскивать нож, а великодушно удалился, исчез, как сон, как утренняя туман. Как сказано в “МК” – **“Злодей успел ретироваться”**...

Дальше идёт описание, от которого холодеют члены: несчастная Юлия – Наталья потеряла столько крови, что **“кровь на полу в её комнате отмывали до утра”** (“МК” 24.12.2009), **после чего Поляков поехал в милицию, составлять фоторобот преступника**. (В одном из материалов сказано, что в милицию позвонила домработница.)

... На другой день после “Московского комсомольца” душераздирающий репортаж о переделкинском кровопролитии появился на первой странице “Комсомольской правды” под решительным заголовком: **“Жалею, что у меня не было помпового ружья”**.

В репортаж была вмонтирована идиллическая фотография: Юрий Поляков, крупный мужчина с могучим торсом, с крепкими кулаками (этот даст – не то что “черепно-мозговая травма” – голова отлетит!) и его жена с маленьким внуком Егором на руках. Жена названа уже “Наталья”, а не “Юлия”, а фото мальчика на её руках, видимо, должно взволновать сердца читателей, потому что Поляков воспроизводит разговор со злодеем, который успел перед исчезновением сказать (непонятно только – ему или его жене?): **“Сейчас – жена, есть ещё дочь, внуки и т. д.”**. Следовательно, налётчик не только не прятал своего лица (**“я увидел налётчика, одетого, как в фильмах, во всё чёрное, в чёрной вязаной шапке, без маски”**), даже этническую принадлежность писатель разгадал: **“Славянин”**), но и успел поговорить со своими жертвами! Да и жена имела возможность разглядеть налётчика во время душевного с ним разговора: **“Жена, когда он на неё наставил пистолет, сказала, что если нужны деньги, пожалуйста, я вам всё отдам”**. Но благородный разбойник, словно Дубровский или какой-нибудь Робин Гуд, наотрез отказался от этих меркантильных предложений. Странные налётчики орудуют в Переделкино! Долго возятся с прислужкой – связывают, затыкают рот, отбирают ключи, словом, делают всё, чтобы как можно больше следов оставить и чтобы прислуга хорошо их запомнила. Открывают ключами двери хозяйского особняка, хотя, казалось бы, согласно здравому смыслу хозяева должны закрывать дверь изнутри: мало ли что может случиться с прислужкой? Кто им тогда утром дверь откроет? Бесстрашный бандит в одиночку (!) врывается в дом, где люди не спят (горит свет!), где находятся двое взрослых людей, где живёт сильный, молодой, мужественный хозяин. Бандит, прежде чем проломить хозяйке голову, вступает с ней в разговор, грозит, что доберётся до детей, внуков и т. д. Непонятно, почему они затыкают “кляпом” рот домработнице (“МК”), ведь жена Полякова и он сам имеют возможность орать на всё Переделкино. Короче говоря, профессиональный киллер ведёт себя глупейшим образом: сталкивается с хозяином “нос к носу”, лицо у киллера открыто, следов и всяческих отпечатков он оставил в доме Бог весть сколько для того, чтобы его опознали по лицу, по голосу, чтобы фоторобот можно было сделать точнейший, чтобы его как можно скорее поймали.

Заканчивается репортаж из “Комсомолки” совершенно замечательно: **“Единственное, о чём я жалею, – негодует храбрый муж, – что у меня в доме не было помпового ружья, и я не застрелил эту скотину. Теперь я надеюсь на помповое ружьё, которое в ближайшее время куплю”**. Впрочем, за ружьём, как и за десантным ножом, если что случится, надо подняться на второй этаж, вытащить его из специального металлического короба, который по инструкции запирается (ружьё по закону в открытом месте нельзя хранить), потом надо патроны в магазин вставить (держать ружьё заряженным в доме запрещено), и только потом стремглав бежать вниз навстречу злодею. Из ружья от волнения и промахнуться можно. И попасть в кого-нибудь из своих ближних. Поэтому надёжнее покупать “Калашникова”. Прицеливаться не надо... А лучше бы вспомнить Юрию Михайловичу, как в 1936 году агенты Ягоды решили арестовать Будённого и окружили его дачу. Усатый маршал-казак не растерялся, выбил ствол “Максима”, стоявшего у него на чердаке, слуховое окно, выпустил по энкавдэшникам очередь и тут же заорал в телефон Сталину, что он дорого продаст свою жизнь. Сталин яко-

бы ответил ему, что, мол, не горячись, Семён, это пришли не к тебе, а к Якиру, ребята дачу перепутали!

* * *

Подобно тому, как после нью-йоркской провокации 11 сентября 2001 года американские власти двинули свои войска в Ирак и Афганистан, так же все средства массовой информации, поддерживающие Полякова, начали после этой кровавой драмы обстрел позиций Международного Литературного фонда.

По Рен-TV страшная история была изложена вечером 24 декабря; по телеканалу "Культура" в 23.45 минут 25 декабря в передаче Флярковского с комментарием самого владельца десантного ножа:

"Это была акция устрашения. Ранее был избит Зайцев, был избит Мухин. Они исключили нас из Литфонда, мы с Битовым рассказывали об этом Путину, мы передали письма главе МВД Нургалиеву и Генпрокурору Чайке". 26.12.2009 г., выступая по московскому радио, Юрий Михайлович, ставший за эти два дня легендой криминальных сводок, ещё раз красочно рассказал о покушении на его семью и выдвинул новую версию о заказчике:

"Сам Переверзин вряд ли бы решился на такое, а может, и не додумался, чтобы нанести такой удар".

А кто же додумался?

Кто решился? Об этом Ю. М. скромно промолчал, видимо, чтобы не влиять на ход следствия. В один из этих же дней сюжет кровавой ночи перед Рождеством был озвучен по "Радио ФМ" с упоминанием фамилий "Ганичева, Куняева, Переверзина". В ночь с 29-го на 30 декабря 2009 г. Поляков вместе с Зайцевым снова появились на канале "Культура", где на своей пресс-конференции говорили не только о покушении, но и о продаже Переверзиным Дома творчества в Малеевке и детского сада. О нападении на дачу Полякова питерским "откликом на переделкинскую авантюру" была гневная телеграмма, присланная Путину от друзей Полякова и напечатанная 15.01.2010 г. в "ЛитРоссии":

"Писатели Петербурга потрясены разбойным нападением на жену главного редактора "Литературной газеты" Наталью Полякову. Мы видим в этом бесчеловечном акте попытку запугать нашего коллегу, заставить его отказаться от своей гражданской позиции в деле защиты городка писателей Переделкино. Само нападение, совершённое в тот момент, когда о криминогенной ситуации, сложившейся вокруг писательского городка, уже осведомлены первые лица государства, придаёт ему вызывающий и дерзкий характер. Мы просим Вас взять под личный контроль действия компетентных органов, занятых поимкой налётчиков и их заказчиков.

А. Битов, Д. Гранин, А. Житинский, Д. Каралис, А. Кушнер, И. Фоянков, И. Штемлер и др."

Мало им, что дело на контроле у министра МВД, подавай им Путина. Перечень подписантов впечатляет, ведь Гранин, Битов и Кушнер вошли в историю, оставив автографы на позорном письме от 5 октября 1993 г., призывавшем к репрессиям после расстрела Белого Дома.

Естественно, что Путин не обратил никакого внимания на страстную кляузу своих земляков, и постепенно шум в прессе о переделкинском кровопролитии утих. Лишь один Поляков, появляясь в течение 2010 года на TV, постоянно напоминал, чаще всего не к месту, о своём ночном кошмаре.

Последний раз это было в программе Владимира Соловьёва "К барьеру!" 18 ноября 2010 года, когда Поляков, будучи закулисным экспертом, совершенно не связав свои слова с сюжетом передачи, вдруг забормотал: **"Я сам пострадал, был акт устрашения за то, что "Литгазета" стала печатать материалы о махинациях с имуществом в Литфонде".**

Однако присутствующие на съёмках статисты ничего не поняли из этого монолога, поскольку переделкинские события к тому времени подзабылись, а Владимир Соловьёв с недоумением посмотрел на своего эксперта и, по-моему, даже покрутил пальцем у виска.

Но для чего же тогда столько сил было потрачено Ю. Поляковым, чтобы раскрутить кровавый сюжет и сделать его “ЧП российского масштаба”?

Для чего в каждом из сообщений подчёркивалось, что не бытовое ограбление было целью негодяев?

“Стоит заметить, что преступники не планировали похищать деньги, технику или какие-то другие материальные ценности, поскольку ювелирные украшения Юлии Поляковой лежали в открытом доступе” (“Газета.Ru”).

То же самое “бескорыстие” бандитов отмечается и в “Московском комсомольце”, и в “Комсомольской правде”, и репортажах, прошедших по каналу “Культура” и по Рен-TV.

Одновременно – и это, видимо, главное – везде утверждалось, что это месть нового руководства МЛФ главному редактору “Литературной газеты”: **“Журналист связывает нападение со своей профессиональной деятельностью: в последнее время “Литературная газета” регулярно публиковала материалы о расхищении земель в писательском городке”** (“Газета.Ru”).

“Это было сделано неделю спустя после того, как мы в ОБЭП передали документы, подтверждающие финансовые махинации нового руководства международного Литфонда <...> Кстати, в этот день мы должны были встречаться с сотрудницей Счётной палаты, куда тоже должны были передать документы. То есть понятно, что это была акция устрашения” (“Комс. правда”).

“Это связано с многочисленными публикациями на страницах “Литгазеты” о попытках разбазаривания и распродажи писательской собственности <...> во время недавней встречи наших писателей с премьером Путиным я ещё раз поднимал вопрос о попытке рейдерского захвата недвижимости в Переделкино, которое инициировало руководство международного Литфонда” (“МК”). **“Незадолго до нападения Поляков передал в управление МВД по борьбе с экономическими преступлениями материалы, якобы изобличающие нового главу Литфонда Станислава Куняева”** (“газета Ru”). В чём изобличающие – не сказано. И так без конца. Жуткая картина нападения на семью Поляковых, раскрытая во всех СМИ, должна была убедить президента, премьера, Генерального прокурора, Счётную палату, ОБЭП и весь российский народ, что новое руководство МЛФ не просто разворовывает писательскую собственность, но и готово на любое уголовное преступление, чтобы запугать честного и отважного журналиста.

... С той поры прошло более года, в течение которого руководителям Литфонда пришлось побывать во многих кабинетах ОБЭПа, прокуратуры, МВД, куда приходили жалобы Полякова и его компании **“об экономических и финансовых преступлениях в Литфонде”**. Ни одна из них не подтвердилась. Более того, Ю. Поляков и “Литгазета” несколько раз по искам И. Переверзина были осуждены по статьям о клевете, о моральном ущербе, об оскорблении чести и достоинства и были вынуждены выплачивать различные штрафы. Счётная палата РФ, два месяца проверявшая по жалобам Полякова и К⁰ деятельность МЛФ, не нашла никаких серьёзных нарушений и причин для возбуждения уголовных дел против руководства МЛФ. Поэтому у Полякова и его сторонников в борьбе с новым руководством Литфонда оставалась лишь одна козырная карта – кровавая провокация в Переделкино. И они разыграли эту карту... но, к сожалению для себя – бездарно. Однако, растиражировав на всю Россию по всем СМИ историю избиения своей жены и обвинив в газетах, радио и телеэфире в преступлении руководство международного Литфонда, Поляков не повторил свои обвинения в заявлении, написанном в милицию. Опытный пиарщик, видимо, понял, что пиар пиаром, а строгое милицейское расследование – жанр более серьёзный, что доказать причастность руководителей Литфонда к нападению на дачу дело и бесполезное и опасное для него самого. За болтовню в телеэфире и в газетах не осудят, а за клевету, написанную в заявлении пером, ответственность нести придётся. Вот почему ни Переверзина, ни Куняева следователи ни на какие разговоры по этому делу не вызывали. И все поляковские крики о том, что дело находится на контроле у ми-

нистра МВД Нургалиева и Генерального прокурора Чайки, оказались блефом.

Весь год оно пылилось на полках Ленинского районного отдела МВД при Переделкино. На все вопросы руководителей МЛФ, которые сами не менее Полякова желали знать, что же произошло на его даче в ночь перед Рождеством, следователь Царёв унылым голосом отвечал, что следствие не закончено, что перспектив у него нет никаких, что найти заказчиков и исполнителей, видимо, никогда не удастся.

Поэтому приходится нам самим разбираться в этом преступлении. Оно было совершено, если верить Полякову, в 3 часа ночи, и женщина **“с переломами черепа”, “изуродованная” и “изувеченная”** (слова из СМИ), ждала до 9-ти часов утра, когда муж наконец-то **“поехал в милицию составить фоторобот преступника”**. Но что же делали обитатели имения с 3-х до 9-ти часов? Судя по словам хозяина, уничтожали следы преступления: **“кровь на полу в её комнате отмывали до утра”**. Кто отмывал? Домработница? Жертва избияния? Сам хозяин? И как ему было не страшно, что в результате **“переломов черепа”** без срочной медицинской помощи бедная супруга может отдать Богу душу? Почему не сразу же после того, как преступник смылся, по горячим следам не была вызвана милиция, не был объявлен план-перехват? Объяснить эту затыжку времени до утра можно лишь по двум соображениям: или **“переломов черепа”**, грозящих смертью, не было, а были какие-то неопасные для жизни побои, или в эту ночь на даче произошло нечто таинственное, требующее времени, чтобы сочинить правдоподобную версию случившегося для СМИ, для “скорой помощи”, для милиции... Да и домработница, не видевшая всего, что произошло дома, должна была досконально выучить роль, если её будет допрашивать следователь. Но не может быть, чтобы автор многих детективных сюжетов сочинил всё в своём воображении и потом выдал за действительность! Травмы на голове женщины были? – Были. Соседи видели её с перевязанной головой, фотография с окровавленной подушкой в газете была. Десантный нож в действительности существует? – Существует.

К сожалению, пока дело не расследовано до конца, невозможно ознакомиться с “историей болезни” Натальи-Юлии, невозможно узнать, опросил ли следователь безымянную домработницу и что она ему сообщила, невозможно выяснить, была ли проведена экспертиза крови на подушке и кому принадлежит эта кровь.

В получении всех этих сведений руководство Литфонда крайне заинтересовано, но до завершения следствия, длящегося уже полтора года, ни милиция, ни больница этих сведений сообщать кому бы то ни было не имеют права...

А следствие, как выясняется, несмотря на то, что дело, по словам Полякова, находится **“на контроле у высшего руководства страны”**, не закончится никогда, потому что всё происшедшее на поляковской даче похоже на то, что происходит в шотландских средневековых замках, где бродят призраки... А может быть, бедная женщина оступилась на высокой лестнице после домашнего застолья? Может быть, не поладила со своей домработницей или ещё с кем-нибудь и дело дошло до рукоприкладства?

Ходит среди переделкинцев ещё одна версия случившегося. Незаконным строительством второй дачи для дочери, по свидетельству многих соседей, занималась сама мадам Полякова.

Не раз якобы она была недовольна работой гастарбайтеров азиатского происхождения, скандалила с ними во время денежных расчётов, а порой и просто выгоняла их, не заплатив за работу.

Если это так, то вполне возможной была месть с их стороны. Не для того ли, чтобы отвести подозрение от этой некрасивой версии, сам Поляков в одном из интервью заявил, что у преступника было лицо **“славянина”**? Впрочем, трудно поверить тому, что узкоглазые нищие гастарбайтеры, накалавшие хозяйку за невыплаченную зарплату, не прихватили бы с собой деньги и драгоценности, которые предлагала им перепуганная женщина. Так что эта версия, на наш взгляд, неправдоподобна. Соседи по Переделкино рассказывают, что Юлия–Наталья быстро оправилась **“от переломов черепа”**, помолодела и выглядит так, будто ей сделали пластическую операцию.

Поэтому какой-то циник из переделкинских дачников сострил, что избияние это пошло хозяйке на пользу, так же как в своё время якобы помогло Ющенко в его политической карьере отравление диоксином.

А другой из дачных остроумцев пожал плечами и озвучил русскую поговорку: “С большой головы на здоровую”, потом этот якобы знаток фольклора добавил: “Знает кошка, чьё мясо съела”.

Третий, настроенный миролюбиво, изрёк древнюю народную мудрость: “Бьёт – значит любит”.

А желчный интеллеktуал, не имеющий дачи в Переделкино, похожий на Крупина и всегда желающий показать свою образованность, вспомнил роман Горького “Жизнь Клима Самгина” и совершенно не к месту буркнул в редкую бородёнку: “А был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?”

Возможно, что под “мальчиком” он подразумевал “славянина в чёрной шапочке”.

II

Восьмого июня 2010 года на первой полосе “Литературной газеты” вышла статья с кричащим заголовком “Бьют женщину!”.

В ней сообщалось, что якобы **“небезызвестный Переверзин избил известную поэтессу Надежду Кондакову, избил в Савёловском суде на глазах изумлённых истцов, ответчиков и служителей Фемиды”**.

Но одного сенсационного факта “избиения женщин” “Литгазете” показало мало. В той же статье в очередной раз было рассказано ещё об одном кошмарном происшествии, когда в декабре 2009 года **“вооружённые налётки, не взявшие почему-то никаких ценностей, проникли ночью в дом и избili Наталью Полякову, жену главного редактора нашей газеты, публикующей разоблачительные материалы о “художествах” Переверзина... идёт следствие, его под личный контроль взял министр Нургалиев”**.

Словом, в писательском обществе началась какая-то эпидемия – “бьют женщин!” Однако вскоре выяснилось, что версия о Кондаковой – полная ложь (сенсация лопнула на другой день после мифического “избиения”), а “дело об избии Поляковой” находится под личным контролем отнюдь не “самого Нургалиева”, а всего лишь следователя Переделкинского районного отделения милиции, который сообщил нашему корреспонденту, что, поскольку в течение целого года не найдены ни заказчики, ни исполнители покушения на супруга главного редактора газеты, пожелтевшей от таких сообщений, то дело положено на дальнюю полку, где и будет лежать, покрываясь пылью. Все попытки “ЛГ” убедить общественность и власть в том, что в “избиении женщин” замешано новое руководство международного Литфонда, с треском провалились.

Однако атмосфера коллективного психоза, нагнетаемая всей мощью жёлтой прессы – “Литгазетой”, “Новой газетой”, “Московским комсомольцем”, “Комсомольской правдой”, а также и многими телеканалами, не прошла даром для самих её устроителей и, словно заразная болезнь, поразила самые впечатлительные и художественно одарённые натуры из среды нашей переделкинской либеральной тусовки.

Четвёртого марта 2010 года на Неглинке в офисе российского ПЭН-клуба состоялось заседание его исполкома. Вёл заседание президент этой правозащитной организации потомственный питерский интеллигент Андрей Георгиевич Битов. Одним из первых на заседании выступил Ю. Поляков, который, к удивлению многих своих товарищей, в том числе и Феликса Кузнецова, оказался членом ПЭН-клуба, причастного во всех странах СНГ к подготовке жёстких “цветных революций”. (Ф. Кузнецов и его окружение всегда считали Полякова крутым патриотом, а он, оказалось, как ласковое теля, всех маток сосёт!) Пафос речи этого “ласкового теля” заключался в том, что переделкинские дачи должны в той или иной форме стать собственностью всех нынешних арендаторов, чтобы впоследствии перейти к поколению писательских детей, а за ним к поколению внуков. Не преминул Поляков вспомнить и об избии своей супруги и в связи с этим сказал, что с Переверзиным надо кончать, но как – не уточнил. Может быть, он имел в виду нанять киллеров, потому что как иначе избавиться от человека, которого все конференции МЛФ постоянно выбирают одним из руководителей организации? А ещё, как говорят, он добавил, что председатель Союза российских писателей С. Василенко “не демократка”, поскольку поддерживает Переверзина, и её надо исключить из ПЭН-клуба. Ему возразил А. Симонов, сказав, что такое исключение не предусмотрено Уставом.

Выступление Полякова, встреченное с восторгом, сыграло злую шутку с деятелями ПЭН-клуба. Их души воспламенились от речи Полякова, и когда член исполкома ПЭН-клуба Светлана Василенко после завершения официальной части тусовки предложила собравшимся отметить рождение в её семье долгожданного внука, то случилось нечто из ряда вон выходящее.

Андрей Битов подсел за стол, хлопнул несколько рюмок коньяка и произнёс страстный монолог о том, что в Переделкино прошла вся его жизнь, что здесь он создал все свои гениальные творения, что здесь умерла его мать и выросли внуки, а поэтому дача и кусок земли при ней должны принадлежать роду Битовых. Словом, выболтал всё, что у трезвого на уме, а у пьяного на языке.

Светлана Василенко резонно заметила, что задача ПЭН-клуба не заниматься спорами о переделкинской собственности, а защищать писателей от бюрократии, помогать им в их праве свободно излагать свои взгляды, защищать их от несправедливых судов. И тут кумир либеральной интеллигенции загворил настоящим русским языком:

— Вы с Переверзиным хотите забрать у нас дачи и распродать их! Ты — б...ь, продавшая Переверзину! — И в следующее мгновение “всемирно известный писатель” (так его всегда в своих литгазетовских опусах и в письмах на имя президента, премьера и генпрокурора аттестует Ф. Кузнецов) молниеносно хуком с правой в лицо отправил кроткую Светлану Василенку в нокаут. Женщина рухнула на пол и потеряла сознание. Человек пять благообразных пэнклубовцев, не пожелавших быть свидетелями кулачной разборки, сразу же смылись из офиса, остальные повели себя по-разному. К рухнувшей на пол Светлане бросились поэты Вадим Рабинович и Максим Амелин, помогли ей встать и сесть на стул, стали успокаивать женщину, плачущую от боли и оскорбления. Обернувшись к Битову, Амелин холодно и твёрдо сказал:

— После этого я не могу вас уважать. Как вы могли ударить женщину?

На что пьяный классик в истерике завопил:

— Она не женщина! Она секретарь! — А на Амелина огрызнулся: — И ты дрянь!

Заодно досталось и Рабиновичу, в адрес которого Битов изрыгнул что-то антисемитское... Вот ведь как оно бывает: каркали целый год в “ЛГ” о том, что “бьют женщин”, и накаркали. Прав был великий поэт: “нам не дано предугадать, как наше слово отзовется”. Может быть, масла в огонь подлило письмо на имя председателя Верховного суда РФ В. М. Лебедева, опубликованное 31.01.2011 г. в “Новой газете”, в котором был такой провокационный пассаж: **“Мы опасаемся за наших товарищей, непосредственно противостоящих в данном конфликте И. И. Переверзину и его команде. Тем более, что уже имели место случаи физической расправы с ними”**. Письмо было подписано Д. Граниным, Е. Евтушенко и, что знаменательно, Андреем Битовым. Возможно, что слова о **“случаях физической расправы”** запали в нездоровое сознание Битова и спровоцировали его на хулиганский поступок. С психически возбудимыми натурами такое “самовнушение” случается. А возможно, всё произошло по Фрейдю: кричали, лгали в пропагандистских целях, что кругом “бьют женщин”, довели себя до иступления, сами себя зазомбировали. Да и в “Московском комсомольце” незадолго до этой драмы (№ 21, январь 2011 г.) была опубликована беседа с Г. Зайцевым, который заявил, имея в виду свои судебные иски к МЛФ: **“Вся эта история — сюжет для сериала “Бандитский Петербург”**. Если иметь в виду то, что Битов коренной петербуржец-интеллектуал и гуманист, то, конечно, кадр со Светланой Василенко мог бы стать украшением знаменитого сериала. Вот на какой мистике замешана вся наша жизнь. Ничего лишнего болтать нельзя...

Заместитель главного редактора “Новой газеты”, поэт и тоже гуманист Олег Хлебников, чуть более пьяный, нежели Битов, подошёл к пришедшей в сознание Светлане и как достойный ученик своего шефа по ПЭН-клубу повторил его матерную фразу:

— Продажная переверзинская тварь! Ты получила от него 200 тысяч!

К счастью, Хлебникова, готового пустить в ход кулаки, более трезвые и здравомыслящие ПЭН-клубовцы догадались оттащить от Василенко, вывели на улицу, остановили такси и, заплатив шофёру двойную цену за перевозку нетрезвого человека, отправили на переделкинскую дачу.

Кстати, в Переделкино, кроме Хлебникова, незаконно пристроившего очередной дом к сторожке, арендуют дачи ещё две семьи, члены которых

работают в той же “Новой газете”, постоянно клеветущей на руководство международного Литфонда, — это Ю. Латынина, семья которой без разрешения возвела ещё один дом на участке, и С. Тарощина, вдова писателя Юрия Давыдова.

Все три семьи ведут себя, если вспомнить басню Крылова, как домашние животные под дубом, подрывающие его корни. Знаменательно и то, что Ю. Поляков принял на работу в “ЛГ” некую Марину Кудимову, которая недавно попыталась по схеме, разработанной Поляковым и Евтушенко, через суд стать владелицей переделкинского имения. Но суд она проиграла. Однако совершенно ясно, как эта поэтесса будет освещать переделкинскую эпопею.

* * *

Борьба за собственность в нашем алчном рыночно-капиталистическом мире страшна. Но то, что случилось в ПЭН-клубе — это ещё цветочки. Справедливо пишет “ЛГ” в статье “Бьют женщину”: **“Трудно себе представить Константина Федина, Николая Тихонова, Георгия Маркова или Сергея Михалкова, избивающих, допустим, Римму Казакову или, скажем, Агнию Барто. Более того, если разгул насилия в литературной среде сохранит свою зловещую динамику, то недалеко, простите, и до смертоубийства”** (08.06.2010 г.)

Да, всех наших вышеперечисленных руководителей СП СССР **“трудно себе представить”** в роли, которую блестяще сыграл президент российского ПЭН-клуба Андрей Битов. А что касается **“смертоубийства”**, то хочется предостеречь главного редактора “ЛГ” от того, чтобы он разбрасывался такими словами. Слова, как мы убедились, материализуются.

Грязная клевета на Переверзина, грубо организованная провокация на даче Полякова, хулиганские выходки Битова и Хлебникова свидетельствуют об одном: эти люди способны на всё, и потому судьба знаменитого на весь мир Переделкино под угрозой.

С. Славянин

История со Светланой Василенко получила широкую огласку. Яркая публицистика по этому поводу приходит к нам даже в стихах. Поэтический репортаж Н. Е. Дачника — наглядное тому подтверждение

“БИТОВЩИНА”

Поэтический репортаж

“Бьют женщину!”

А. Вознесенский

I. Бывшему сотруднику “Пушкинского дома” и автору одноимённого романа

*Пэнклубовским пиштам
прозаик фору дал:
побил Светлану Битов
и б...ю обозвал.
Какой язык народный,
какой талант природный!*

*Знать, в Пушкинском доме
он обучён всему.*

II. Прощёное воскресенье

*Побита Битовым Светлана...
Стоял в пэнклубе пьяный ор,
и вместо вешнего тумана
лёг несмываемый позор
на переделкинские дачи...
Светлана не хотела сдачи
воздать хмельному удалцу —
ей, христианке, не к лицу
ни плюнуть в битовскую харю,
ни жаловаться государю.*

III. “Что позволено Юпитеру”...

*А Хлебников хотел добавить
Светлане, чтобы окровавить
еёный лик... Но тут друзья,
что потрезвее, подскочили,
сказали, мол, “тебе нельзя,
что можно Битову”, скрутили
и с криком: “Господи, спаси!” —
заткнули в частное такси,
уговорили шоферюгу,
чтобы на дачу вёз зверюгу.*

IV. Нравы деревни Переделкино

*А Битовым избита
беспомощная Света,
но Битову не будет
ни капельки за это.*

*Он шибко гениален,
он кореш Полякова,
ну, в глаз ударил бабу —
так что же в том плохого?!*

*Ведь были в деревушке
похлеще заварушки:
главред своей подружке
вломил по черепушке.*

*Наш Битов — знаменитость,
он президент пэнклуба,
и нам его позорить
рискованно и глупо!*

*Тихонько плачет Света,
но Битов стих поэта
твердит: “Пускай поплачет,
ей ничего не значит”.*

V. Подруги по несчастью

*Как в Переделкино порой
писательские жёны стонут,
когда им темя в час ночной
проломают — но колёе не тронут!*

*Когда в твой дом пришла беда,
то не спасёт тебя богатство,
оно не защитит, когда
алкаш твой
впал в рукоприкладство...*

*Светлана впала в забытьё,
но слышала в ночи суровой,
как тень несчастной Поляковой
вздыхала около неё.*

VI.

*Чужая душенька — потёмки,
В. Рабинович пожалел
Светлану...
Знают пусть потомки,
что он рождён для добрых дел.
Но взвился Битов:
“Ах, ты, сволочь,
ты никакой не либерал!”
Жидом был назван Рабинович
за то, что под руку попал.*

VII.

*Андрюша Битов петербуржец
во гневе всем внушает ужас,
он террористам лучший друг,
ему в пэнклубе славы мало,
ему бы роль из сериала
“Бандитский город Петербург”.*

Н. Е. Дачник

.....

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Вышла из печати книга Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Книгу можно приобрести в редакции — цена 220 руб. Для иногородних читателей стоимость с пересылкой 270 руб., для зарубежных — 340 руб. (доставка по ж.д.), 400 руб. (доставка авиа).

Деньги перечислять по адресу: 127051, Москва, Цветной бульвар, дом. 32, стр. 2, “Наш современник”, Евдокимовой Елене Николаевне с пометкой “Холокост”.